

ГЕРМАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КОНФЕРЕНЦИЯ В МОНТРЕ 1936 Г.

Д.В. Родин, г. Москва

В докладе рассматривается деятельность германской дипломатии накануне и в ходе конференции в Монтре 22 июня – 21 июля 1936 г. Акцент сделан на методах, с помощью которых Германия стремилась оказать влияние на ход и итоги конференции, прежде всего путем давления на британскую делегацию. Однако страх Великобритании перед срывом конференции оказался более важным фактором, что предопределило поражение Германии и принятие новой конвенции о черноморских проливах на основе советского проекта.

Ключевые слова: 1936 год, международные отношения, черноморские проливы, конференция в Монтре, конвенция Монтре, внешняя политика Германии, внешняя политика Великобритании, внешняя политика Турции, Третий рейх, политика умиротворения.

Конвенция Монтре о черноморских проливах, подписанная 20 июля 1936 г., является одним из немногих документов 1930-х гг., действующих по сей день. Успех конференции в Монтре (22 июня – 21 июля 1936), продемонстрировавшей альтернативу односторонним действиям Италии в Абиссинии и Германии в Рейнской области, следует искать в том факте, что она являлась проявлением именно многосторонней дипломатии, ставившей своей целью сохранение мира и безопасности не только в отдельно взятом регионе, но во всей Европе. В свое время историк В.И. Авершин писал, что итоги конференции свидетельствовали «о больших возможностях сотрудничества стран, заинтересованных в сохранении и укреплении мира» [1, с. 62]. Вместе с тем нельзя не признать правоту современного историка В.Н. Горохова, отметившего, что конференция в Монтре, как и последовавшая за ней в 1937 г. конференция в Нионе по вопросу о пиратстве

в Средиземном море, «к сожалению, оказались исключениями во внешнеполитической деятельности западных демократий, центральным направлением которой оставалось “умиротворение” агрессоров» [2, с. 238].

Причины, ход и итоги конференции в Монтре в достаточной мере изучены как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Особое внимание при этом уделялось конфликту делегаций из Великобритании и СССР, предлагавших два противоположных по смыслу проекта конвенции, колеблющейся позиции Турции и советско-французскому взаимодействию, ставшему решающим фактором в ходе ожесточенных дебатов вокруг проекта конвенции. Ряд историков признает компромиссный характер решений конференции, например, В.В. Альтман отмечает, что «конференция в Монтре явилась важным событием как в области регулирования режима черноморских проливов, так и в сфере взаимоотношения между Советской страной и капиталистическими странами в целом» [3, с. 523]. Как «шаг вперед по сравнению с Лозаннской конвенцией» определял итоги конференции в Монтре А.О. Нажесткин, признававший при этом, что в абсолютном выигрыше оказалась именно Турция, которая получила практически все, чего добивалась [4, с. 17]. В.Я. Сиполс утверждал, что сам факт успешного завершения конференции имел крайне положительное значение, т.к. свидетельствовал о «возможности урегулирования сложных международных вопросов путем переговоров» [5, с. 37-38]. Из современных исследователей стоит отметить И.А. Хормач, трактовавшую итоги конференции Монтре с точки зрения баланса сил в Европе в середине 1930-х гг.: «Ход и решения конференции в Монтре довольно точно отразили соотношение сил, сложившееся на международной арене, и положение Советского Союза. В тех условиях советской делегации, видимо, удалось добиться максимального результата» [6, с. 436]. Из зарубежных авторов выделяется Э. Делука, по мнению которого конференция в Монтре стала примером мирной «ревизии» международных договоров и сотрудничества

держав для достижения взаимовыгодного, компромиссного решения [7, с. 115-116].

Однако для понимания хода конференции и действий представленных в ней делегаций важно учитывать позиции не только присутствующих, но и отсутствующих на конференции стран, в данном случае – Италии и Германии. Дипломатии последней и посвящена данная работа, ставящая своей задачей освещение действий германского Министерства иностранных дел накануне и во время конференции в Монтре и определение того влияния, которое германская дипломатия оказывала на позиции отдельных участников конференции.

Ряд исследователей уже обращали внимание на роль германского фактора в конференции. Так, А.С. Постников отмечал, что «срыв конференции в Монтре давал Берлину слишком большие выгоды, прямо побуждая Гитлера двинуться через Вену и Балканы к Проливам», что, в свою очередь, предопределило отступление Англии, оказавшейся на конференции в изоляции перед лицом единого бока делегаций СССР, Франции и балканских стран [8, с. 30]. Одной из главных причин компромисса между Великобританией и Советским Союзом болгарская исследовательница Л. Живкова называла страх перед провалом конференции, который стал бы «торжеством для Германии и Италии», а кроме того, мог способствовать сближению Турции со странами-ревизионистами, прежде всего с Германией [9, с. 64]. Британский ученый К. Нейлсон указывал, что во время конференции британская дипломатия находилась под постоянным нажимом немцев: принятие советского проекта конвенции означало свободу передвижения советских судов из Черного моря в Балтийское, что де-факто обесценивало англо-германский морской договор 1935 года, в связи с чем германская сторона требовала от англичан сделать все возможное для недопущения подобного исхода конференции [10, с. 180].

Данная работа, опирающаяся на широкий пласт дипломатических документов, позволяет углубить представления о той роли, которую играла Германия в процессе выработки новой конвенции о черноморских проливах. Кроме того, она расширяет наши представления о тех методах, которые применялись дипломатией Третьего рейха для достижения желаемых результатов на международной арене, и позволяет с новой точки зрения взглянуть на англо-германские отношения в середине 1930-х гг.

Само решение Турции инициировать процесс пересмотра Лозаннской конвенции о проливах было связано с действиями Германии в Рейнской области в марте 1936 г., означавшими отказ от следования букве Версальского мирного договора. После того, как об отказе от послевоенных договоренностей заявила и Австрия, 1 апреля объявившая о введении «обязательной государственной повинности» (т.е. всеобщей воинской повинности), Турция также взяла курс на пересмотр режима проливов, но, в отличие от Германии или Австрии, не в одностороннем порядке, а путем многосторонних переговоров. 11 апреля 1936 г. всем державам-участницам Лозаннской конвенции о проливах была вручена нота турецкого правительства с предложением начать переговоры о пересмотре статуса черноморских проливов. Действия Турции были с одобрением встречены в СССР, Великобритании и Франции. Газета «Таймс» писала: «В английских официальных кругах полагают, что турецкая нота потребует специального рассмотрения. За турецким правительством признается заслуга в том, что оно прибегло к правильной процедуре, находящейся в соответствии с его правами» [11].

Несмотря на то, что Германия не была приглашена к пересмотру Лозаннской конвенции (так как не являлось страной, подписавшей ее), она, как лидер ревизионистского движения, по словам Э.Р. Делуки, «аплодировала турецкому демаршу» [7, с. 35]. В статье, появившейся по этому поводу в «Фелькишер Беобахтер», подчеркивалась справедливость и

обоснованность турецких требований [12]. Спустя несколько дней в той же газете была опубликована статья, посвященная антиревизионистскому курсу внешней политики Румынии, в которой в хвалебных тонах расписывалось, что «Турция, верный соратник Румынии в борьбе против ревизионизма, соучредитель Балканской Антанты и противник предоставления свободы действий Болгарии, теперь сама стала ревизионистом» [13].

С Германией Турцию связывали давние политические и экономические отношения. Обе страны были союзниками в годы Первой мировой войны, обе потерпели в ней поражение, наконец, обе выступали за пересмотр мирных договоров, завершивших эту войну. К середине 1930-х гг. Германия стала главным экономическим партнером Турции: если в 1929 г. торговля с Германией составляла 15,3% от турецкого импорта и 13,3% от экспорта, то в 1936 г. соответствующие показатели равнялись 45,1% и 51% [14, с. 118-119]. На долю Германии приходилась почти половина всего объема внешней торговли Турции, экономическое преимущество Германии в этой стране было огромным.

Значительным было немецкое влияние и в военном отношении. Газета «Известия» писала в апреле 1936 года: «За последние месяцы значительно увеличилось число приглашенных на работу в Турцию иностранных специалистов. Большинство их прибывает из Германии» [15]. А в мае того же года в ряде иностранных газет (например, «Пти Марсель») появились сообщения «о переговорах представителей турецкого правительства с дирекцией крупновских заводов по поводу заказов, связанных с укреплением проливов» [16]. Хотя турецкие газеты опровергали подобные слухи, но от общения турецких офицеров и инженеров с представителями крупновских заводов они не отказывались – упор делался на том, что переговоры велись не только с указанными заводами, но и с предприятиями других стран [16].

Конечно, для Германии было бы предпочтительнее, чтобы Турция в одностороннем порядке заняла зону проливов, как поступила сама Германия

в Рейнской области, и слухи о том, что турецкие войска уже заняли проливы, активно муссировались в германской прессе [17]. Однако турецкое правительство заявило о своей приверженности существующим нормам международного права, заявив, что сообщения о занятии проливов турецкими войсками «настолько абсурдны, что даже не требуют опровержения» [18]. Более того, при публикации ноты всем офицерам турецкой армии был дан приказ принять все возможные меры для пресечения любых действий, которые можно было бы расценить как нарушение условий конвенции. Как заявлял министр иностранных дел Т.Р. Арас: «Турция - совершенный фанатик в том, что касается строгого соблюдения конвенции о проливах» [19]. Подобные мирные инициативы подрывали позиции Германии, проводящей курс на односторонний отказ от соблюдения мирных договоров.

В месяцы, предшествующие открытию конференции, германская дипломатия не проявляла особенной активности, в результате чего к моменту открытия конференции четкое отношение Германии к будущим переговорам о режиме проливов так и не было определено. Проблема проливов не обсуждалась по время визита государственного секретаря Турции Н. Менемеджоглу в Берлин в середине мая, а визит президента Рейхсбанка Я. Шахта в Анкару в рамках миссии в страны Юго-Восточной Европы так и не состоялся. Как отмечал Э.Р. Делука, «Берлин был вынужден ждать результатов переговоров, прежде чем оценить, какое влияние вопрос о проливах может оказать на восприятие Рейхом баланса сил в Европе» [7, с. 36].

Не будучи страной, подписывавшей Лозаннскую конвенцию 1923 г., Германия отказалась от участия в конференции, как в статусе полноценного участника, так и в статусе наблюдателя, о чем уведомила остальные страны меморандумом от 20 июня [20, с. 669]. Вместе с тем препятствий к проведению конференции она также не чинила. Как считал исследователь

В.А. Кузьмин, «Германия дала тайное согласие на проведение конференции, т.к. была заинтересована в турецких заказах на поставку и установку артиллерийских орудий в зоне проливов» [21, с. 14]. Ввиду серьезного экономического сотрудничества двух стран, особенно в сфере военных поставок, подобное мнение вполне могло соответствовать истине.

На самой конференции, открывшейся 22 июня в швейцарском городе Монтре, развернулась дуэль между британской и советской делегациями. В то время как СССР требовал ограничить доступ нечерноморских держав в акваторию Черного моря при сохранении свободного прохода через проливы в мирное время для флотов черноморских держав, Англия настаивала на равенстве черноморских и нечерноморских держав в вопросе ограничения прохода судов через проливы или, по крайней мере, на полном открытии проливов даже во время войны, что должно было стать противовесом для неограниченного прохода судов черноморских держав через проливы и вынудило бы Советский Союз держать достаточные силы в Черном море на случай войны. По мнению Н.Д. Смирновой, дискуссии на конференции перешагнули рамки международного права и вылились в борьбу двух концепций: советской, «отстаивавшей принципы равноправия в отношениях между государствами и коллективные гарантии поддержания мира», и английской, «отвергавшей идею коллективной безопасности ради защиты имперских интересов путем сохранения и упрочения старых систем зависимости, создававшихся главным образом двусторонними соглашениями» [22, с. 195].

Отказавшись от участия в конференции, Германия, тем не менее, пыталась активно повлиять на ее ход и результаты. В этом проявилось ее отличие от другой страны-ревизиониста – Италии, которая также заявила об отказе от участия в конференции, но предпочла тактику пассивного наблюдения. Причину активности германской дипломатии следует искать в страхе перед сотрудничеством Франции и СССР (следует напомнить, что в

феврале 1936 г. французское правительство как раз ратифицировало франко-советский пакт о взаимопомощи). Если бы по итогам конференции Советский Союз получил право на ничем не ограниченный проход через черноморские проливы, то это способствовало бы развитию взаимодействия между советским и французским флотом, а также усилило бы Балтийский флот СССР, что означало бы дальнейшее окружение Германии, теперь не только на суше (что стало возможно после заключения франко-советского пакта), но и на море. Соответственно, Германия всеми силами стремилась избежать подобной ситуации. Сделать это Германия могла лишь чужими руками – и более всего для этой цели подходила Англия.

«Английская позиция во время переговоров находилась под сильным германским нажимом», - писал В.И. Авершин, и этим словам можно найти подтверждение [1, с. 58]. О том, что английское правительство и английская делегация в Монтре постоянно действовали с оглядкой на позицию Германии, говорится в ряде источников. В инструкциях Э. Идена от 8 июля говорится о том, что «принятие пожеланий России, несомненно, преумножит трудности, существующие между Англией и Германией в военно-морской сфере» [23, с. 716]. Те же слова можно найти в меморандуме Идена от 13 июля: «Проблема, фактически, заключается в том, что если российские поправки будут приняты, нам почти наверняка следует ожидать серьезных осложнений в отношениях с Германией... Очевидно, что русские поправки специально подготовлены Россией, Францией и Румынией, чтобы ущемить права Германии... Германия, разумеется, не примет без протеста конвенцию, которая может быть интерпретирована, как ущемление ее прав» [23, с. 729-730].

Влияние германской дипломатии на британскую внешнюю политику было очевидным и для других держав, в том числе и для СССР. После оглашения британского проекта новой конвенции о проливах советский полпред в Лондоне И.М. Майский в беседе с заместителем министра

иностранных дел Великобритании Л. Олифантом предостерег последнего о возможных последствиях срыва конференции в Монтре: «...Общественное мнение СССР, которое, не скрою – и сейчас относится с известным подозрением к политике Великобритании и склонно объяснять перемены в поведении британской делегации в Монтре германскими влияниями, тогда окончательно уверилось бы в правильности своих предположений» [24, с. 261-262].

Причину зависимости Великобритании от германской дипломатии следует искать в англо-германском морском соглашении 1935 г., на что, например, в начале июля 1936 г. указывала газета «Таймс». Она напоминала об условиях англо-морского соглашения, согласно которому Германии дозволялось иметь надводный флот мощностью в 35% от совокупной мощи британского морского флота и подводный флот мощностью в 45% от тоннажа британских подводных сил. При этом обращалось внимание на важную оговорку: «Если общее равновесие морских вооружений, поддерживаемое в прошлом, будет нарушено ненормированным и исключительным морским строительством любой другой державы, то на этот случай правительство Германии сохраняет за собой право обратиться к британскому правительству с предложением изучить новую ситуацию, созданную подобным ходом вещей» [25]. Фактически, эта оговорка предоставляла Германии право выйти из соглашения с Британией и начать новую гонку морских вооружений, которой так опасалась Великобритания, и которая в свое время уже послужила одной из причин англо-германского конфликта накануне Первой мировой войны.

Прецедент для подобного исхода уже существовал: 29 декабря 1934 г. Япония заявила о своем намерении выйти из Вашингтонского договора пяти держав 1922 г. и Лондонского договора 1930 г. и приступила к наращиванию морских вооружений на Дальнем Востоке. Лондонский морской договор 1936 г. между Англией, Францией и США уже не ограничивал флоты этих

держав количественно – речь шла лишь о качественных ограничениях, что открывало им путь к активному строительству новых кораблей (чем немедленно воспользовались США). В этих условиях Германии нужен был лишь малейший повод к отказу от соблюдения достигнутых в июне 1935 г. договоренностей, и новая конвенция о проливах, в случае ее несоответствия целям германской внешней политики, могла стать подобным поводом.

Но, цитируя английские и советские документы, а также рассуждения печати, мы имеем дело более с предположениями, нежели с твердо установленными фактами. Чтобы определить наверняка, каково было отношение Германии к указанной конференции и действительно ли имело место давление на Британию, следует обратиться к немецкой прессе и документам германской внешней политики.

После открытия конференции присутствующие делегации, как писал германский посол в Турции Фридрих фон Келлер, «излучали безграничный оптимизм»: многие рассчитывали на скорое подписание новой конвенции о статусе проливов. Но Келлер уже тогда заметил, что «настоящие трудности становятся очевидными только сейчас». Он докладывал в Берлин о конфликте между британскими и советскими интересами, который проявлялся в вопросе судоходства в проливах, Турция же, по словам Келлера, «была вынуждена занять определенную позицию в отношении этих двух точек зрения, но, с другой стороны, не желала обидеть какую-либо из двух сторон» [20, с. 675]. Констатируя наличие противоречий на конференции, Келлер не предлагал конкретного плана действий: необходимо было выждать завершения первого этапа переговоров (22-26 июня), чтобы определить свою позицию в отношении ситуации, складывающейся на конференции.

Между тем, германская пресса практически сразу заняла отрицательную позицию по отношению к советско-французскому блоку, оформившемуся на конференции. Уже 26 июня, после первых прений по

турецкому проекту, в «Фелькишер Беобахтер» была опубликована статья под заголовком «Франция – секундант Советской России в Монтре». О Франции говорилось, что она поддерживает требования Советского Союза и Турции, «исходя из уверенности, что первая, в случае войны, будет обязана послать Франции по Средиземному морю свои вспомогательные силы и румынскую нефть». О советской же позиции, выраженной в выступлении Литвинова от 25 июля, говорилось как о «скверной маскировке Москвы», т.е. как о не достойной доверия [26].

Критический характер носила и другая статья, опубликованная в той же газете 27 июня: «Между Москвой и Дарданеллами. Перегруппировка на Балканах – мировые державы оттеснены». Острие критики было направлено против франко-советского пакта: по мнению автора статьи, Гюнтера Кауфмана, во Франции осознали, что в одиночку французское преобладание на Балканах удержать невозможно, в связи с чем «на Кэ д'Орсе утвердилось понимание того, что сферами влияния на Балканах придется делиться, Москва теперь возведена в ранг заинтересованной стороны в этом политическом и военном предприятии, и ныне вся тяжесть системы союзов, которая когда-то лежала на Париже, переходит в руки красных». Система коллективной безопасности ввиду опыта абиссинской войны объявлялась «обанкротившейся», из-за чего проводимая Францией тактика региональных пактов могла быть реализована, только если «роль первой скрипки в Юго-Восточной Европе была бы передана Турции» [27]. Это соответствовало истине лишь наполовину: действительно, французское влияние на балканские страны было подорвано пассивными действиями Франции во время Рейнского кризиса, однако говорить о переходе контроля над балканскими странами «в руки красных» было преждевременно, хотя бы в силу сохранения противоречий, существующих между СССР и рядом балканских стран (например, с Румынией по вопросу о принадлежности Бессарабии).

Отметим, что саму Турцию критика не затрагивала: отвечая на заявления Н. Титулеску, что «Румыния является противником ревизионизма, но в случае Турции относится к делу не как к ревизии, но как к необходимой потребности», Г. Кауфман объявил, что «в настоящее время никто не может оспорить суверенитета Турции, равно как и Германии, над частью их собственной территории», а разница в тех способах, которыми достигается подтверждение этого суверенитета, «есть нечто само собой разумеющееся, т.к. обе страны оказались в разных политических ситуациях». Говорилось о росте влияния в регионе Турции, за которой должны были «ухаживать» и Англия, и Советская Россия, а равноправие Турции с остальными странами объявлялось «новым фактором в Восточной Европе» [27]. Подобное отношение легко объяснить, помня, что Турцию с Германией связывали тесные экономические связи, и Германия, как думали некоторые, рассчитывала прибрать к рукам заказы по строительству укреплений в проливах.

Во время перерыва в заседаниях конференции (26 июня – 5 июля) в наступление перешла германская дипломатия. 1 июля министр иностранных дел Германии К. фон Нейрат опубликовал меморандум, в котором излагалась его беседа с британским послом в Берлине Э. Фиппсом. В ходе указанной беседы К. фон Нейрат выразил недовольство той информацией, которую он ранее получил от британского военного министра Даффа Купера: по его словам, «г-н Иден был готов предоставить русскому черноморскому флоту свободный проход через Дарданеллы и Средиземное море, даже если бы он направился в Балтийское море, что навевало мысли о том, что британское правительство стремится вернуться к довоенному “Сердечному согласию”» [20, с. 714].

Это вызывало, по словам Нейрата, «сомнения в том, что британское правительство действительно желает сближения или сотрудничества с Германией», из чего немецкое правительство вполне могло «сделать

собственные выводы и принять соответствующие меры». Фиппс, разумеется, поторопился опровергнуть заявления Купера, назвав их «не более чем послеобеденными речами». Тем не менее, Нейрат предупредил Фиппса, что «подобные уступки повлияют на морское соглашение, заключенное в прошлом году, и автоматически приведут в действие предусмотренную в нем скользящую шкалу для военно-морского перевооружения Германии» [20, с. 714]. Для Британии это означало бы начало новой гонки морских вооружений в Европе, которую, учитывая экономический кризис в Соединенном королевстве и одновременный подъем в германской экономике, британский флот (в региональном измерении) мог и проиграть. Дополнительным подкреплением германских угроз стало восстановление немецких укреплений на острове Гельголанд. Возможно, именно меморандум Нейрата стал причиной выдвижения Англией собственного проекта конвенции о статусе проливов, отличного от достаточно мягкого турецкого и советского.

6 июля в Монтре начался второй этап переговоров, и германская пресса переключила свое внимание на противоречия между английской и советской делегациями. Германская пресса хвалила британскую линию за «сопротивление необоснованным требованиям» СССР и Франции, имеющим лишь одну цель – как можно более легкое исполнение обязательств согласно «франко-советскому военному союзу» (для германской прессы характерно именно такое обозначение, взамен «франко-советского пакта о взаимопомощи», имевшего место в действительности) [28]. При этом немалое внимание обращалось на то, как могут повлиять итоги переговоров в Монтре на англо-германские отношения, а именно на судьбу англо-германского морского соглашения.

Подобным статьям была посвящена беседа между германским послом в Лондоне Отто Кристианом фон Бисмарком и Робертом Крейги, выступавшим от лица Э. Идена, которая состоялась 6 июля. Беседа касалась

опубликованной в журнале «Дипломатическая корреспонденция Германии» статьи «Подозрительные увертки», в которой утверждалось, что Англия готова уступить советским требованиям и предоставить СССР право неограниченного прохода через проливы при условии, что «силы русских, если они не задействованы в операциях Лиги Наций, будут использовать Средиземное море исключительно для прохода в Балтийское и Белое моря», в силу чего предполагалось, что Германия «увидит в вышеприведенных наблюдениях повод для изменения цифр соотношения, содержащихся в англо-германском морском соглашении» [20, с. 732].

Р. Крейги, комментируя данную статью, сообщил, что «подобное отношение Германии вызывает у британского правительства глубокое сожаление», после чего привел ряд аргументов в пользу сохранения соотношения 35:100. Британское правительство не выступало против пересмотра соглашения в случае, если бы оно было вызвано действиями третьей державы, но удерживало Германию от того, чтобы «делать спорные вопросы достоянием гласности», т.к. это «могло разрушить все основание взаимного доверия, которое покоилось на морском соглашении» [20, с. 732].

Чтобы убедить Германию в доброжелательных намерениях английской дипломатии, Бисмарку была предоставлена вся информация о ходе переговоров и позиции английской делегации. Крейги заверял Бисмарка, что русские не смогут «улучшить свое положение с помощью переговоров... так как они уже обладали полноценным правом прохода согласно Лозаннскому договору». Соответственно, переговоры в большей степени касались статуса проливов в военное время в случае сохранения Турцией нейтралитета, и в этом отношении британская делегация, по заверениям Крейги, отстаивала открытость проливов для воюющих стран. В завершение разговора Крейги вновь посетовал на то, что «в последние несколько недель в Германии царил уже не тот дух, который присутствовал при заключении англо-германского морского соглашения» [20, с. 732-734]. Одновременно давление оказывалось

и на Турцию, что подтверждает следующее примечание, сделанное Нейратом на тексте донесения О.К. фон Бисмарка от 9 июля: «Следует обратить внимание турок на то, что они не завоюют у нас популярности, потворствуя желаниям русских» [20, с. 734].

Как можно видеть, Англия делала все возможное, чтобы убедить Германию придерживаться соглашения 1935 г. 10 июля секретарь первого лорда Адмиралтейства С. Хор сообщал Бисмарку, что Британия «всеми силами противостоит русско-французским попыткам сохранить за Россией право прохода через проливы для исполнения обязательств согласно франко-русскому пакту». Нейрат оставил на этом донесении пометку: «В конечном итоге, мои предостережения оказались эффективными» [20, с. 735].

Ярким проявлением того влияния, которое Германия оказывала на британскую дипломатию в ходе конференции в Монтре, может являться меморандум Э. Идена от 13 июля, содержащий в себе инструкции британским делегатам на конференции. Констатируя, что «конференция зашла в тупик ввиду невозможности решить вопрос о проходе через проливы военных кораблей в военное время при условии сохранения Турцией нейтралитета», Иден обращал внимание на то, что эта проблема касается не только британской политики в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, но «может затронуть и англо-германское морское соглашение, всю программу строительства флота и европейскую политику в отношении Германии и Франции» [23, с. 728]. Иден признавал, что поправки, внесенные Советским Союзом при поддержке Франции и Румынии, призваны «способствовать функционированию франко-советского пакта и франко-румынского союза и, в меньшей степени, Балканской Антанты, обязав Турцию проявлять особое отношение к этим пактам» [23, с. 729]. Хотя Турция не одобряла эти поправки, но она, «очевидно, испытывала страх перед русскими, и весьма сомнительно, что сопротивление турок в одиночку сможет воспрепятствовать Франции и России добиться принятия этих

поправок» [23, с. 729]. При этом Иден усматривал в требованиях трех указанных стран стремление «дискриминировать» Германию, что могло вызвать негативную реакцию с ее стороны (как отмечал Иден, скорее в «психологическом» плане) и привести к требованиям Германии пересмотреть англо-германское морское соглашение 1935 г. По мнению Идена, Германия однозначно интерпретировала бы заключение конвенции с включенными в нее советскими предложениями как продолжение политики «окружения» и вследствие этого «заняла бы еще более бескомпромиссную и требовательную позицию в общеевропейской политике» [23, с. 730].

Иден поднимал две проблемы: с одной стороны, необходимо было добиться присоединения Германии к новой конвенции о проливах, выработав приемлемые для нее условия прохода военных судов через проливы, с другой – нельзя было позволить конференции закончиться неудачей, т.к. это было бы воспринято, как «провал первой попытки мирной ревизии договоров на основе переговоров» и подстегнуло бы Турцию к односторонним действиям без надежды на соблюдение интересов других стран в проливах, в т.ч. и британских. Вторая угроза, в глазах Идена, была более весомой, нежели проблема участия Германии в конвенции, и он проявлял готовность уступить СССР и Франции в вопросе о 23-й статье, одновременно требуя усилить давление на Францию с целью убедить ее как можно скорее прийти к соглашению, которое удовлетворило бы все стороны [23, с. 731].

Однако к этому моменту Форин-офис уже оказался между молотом и наковальней: «новый тупик в Монтре» вызывал недовольство не только среди участников конференции, но даже в британском парламенте. В Палате общин лейборист М. Прайс напрямую задавал вопрос министру иностранных дел Э. Идену: «Известно ли уважаемому джентльмену, что, согласно различным источникам на континенте, французское правительство придерживается того мнения, что мы ведем игру в интересах Германии?» [29] Как будто вторя Прайсу, газета «Манчестер гардиан» критиковала

позицию английской делегации в Монтре, «как крайне непонятную», указывая при этом, что «то, что понятно, не заслуживает похвалы» [30]. И в ней внимание общественности также обращалось на возможные угрозы со стороны Германии потребовать пересмотра морского соглашения, как на факт, определяющий позицию английских делегатов.

Оказываемое со стороны общественности и ряда партий (прежде всего лейбористов) давление должным образом повлияло на Форин-офис. В ночь с 15 на 16 июля английским делегатам в Монтре была отправлена телеграмма от Э. Идена: «Правительство Его Величества готово согласиться с решением о закрытии проливов для всех воюющих стран в военное время при условии сохранения Турцией нейтралитета, с учетом прав и обязанностей, налагаемых Уставом Лиги наций, и пактами, независимо от участия в них Турции, заключенными в рамках Устава Лиги наций и зарегистрированных и опубликованных в соответствии с требованиями статьи 18-й Устава» [23, с. 735-736]. Эти инструкции создавали почву для урегулирования данного вопроса, причем именно в той формулировке, на которой настаивали Советский Союз и Франция, из чего можно сделать вывод об отказе Форин-офис от проводимой им линии на подрыв франко-советского пакта о взаимопомощи и признании его неотъемлемой частью системы коллективной безопасности в Европе.

Чем увереннее была Германия в победе британской линии на переговорах, тем большее недовольство она испытала, узнав, что Британия, оказавшись в изоляции, в конце концов, была вынуждена принять советские требования. Еще 15 июля «Фелькишер Беобахтер», цитируя «Таймс», утверждала, что «обе отсутствующие на конференции державы, Италия и Германия, оказывают решающее влияние на конференцию», и новая конвенция, соответственно, должна была учитывать их интересы [31]. А 16 июля в той же газете была опубликована статья под заголовком «Окончательные уступки англичан в Монтре»: новый проект 23-й статьи о

связи конвенции с Уставом Лиги Наций, предложенный англичанами, практически полностью совпадал с проектами, выдвигаемыми советской делегацией [32].

В тот же день об изменении позиции Британии О.К. фон Бисмарку сообщил Р. Крейги, вместе с тем заверив германского посла, что «новая трактовка не означает присоединения Турции к франко-советскому пакту». В целом, Крейги делал упор на том, что статья о статусе проливов во время войны, в которой Турция сохраняла бы нейтралитет, является «академической», т.к. ситуация, при которой Турция не оказалась бы вовлечена в войну черноморских государств, представлялась немислимой [20, с. 770-771]. Германия была вынуждена удовлетвориться подобными заявлениями: в ответ на заверения Крейги Бисмарк зачитал письмо от К. фон Нейрата, в котором указывалось «самым решительным образом, что не может быть и речи об изменении в немецком отношении к англо-германскому морскому договору», и что Германия «по-прежнему придает огромное значение поддержанию и укреплению отношений взаимного доверия, основанных на указанном соглашении» [20, с. 773]. Крейги выразил Бисмарку признательность за указанную декларацию, рассчитывая, что она также будет одобрена и Э. Иденом [23, с. 743].

Однако в самой Германии ясно осознавали, что новая конвенция сковывает действия ее флота. На заседании Группы по вопросам Морской конференции, решения которой были отправлены немецкому военно-морскому атташе в Лондоне, было подчеркнуто, что «Германия более не может рассчитывать на проход через проливы в случае войны с Россией», в связи с чем констатировалось, что «для Германии новый договор означает значительное ухудшение ситуации по сравнению с Лозаннским договором» [20, с. 784-785]. Вследствие этого, один из выводов заседания гласил: «В результате укрепления Дарданелл радикально изменилась военно-политическая ситуация в Европе, так что Германии следует рассмотреть

вопрос, основываясь на итогах подобного хода событий, какие оговорки должны быть сделаны в отношении существующей до сих пор системы мирных договоров» [20, с. 785]. Таким образом конференция в Монтре, укрепившая систему коллективной безопасности в Европе, одновременно могла быть использована Германией как повод для ее дальнейшего расшатывания.

Как можно видеть, германская дипломатия, игравшая на страхе Великобритании перед отказом Германии от соблюдения англо-германского морского договора, стремилась повлиять на итоги конференции в том смысле, чтобы не допустить принятия советского проекта в качестве основы новой конвенции о проливах или даже добиться провала конференции. В последнем случае нашел бы подтверждение основной тезис стран-ревизионистов, согласно которому единственно действенным путем пересмотра международных соглашений и решения международных проблем является путь односторонних действий. Однако провал конференции означал бы удар не только по авторитету Лиги Наций, но и по англо-турецким отношениям и мог сблизить Турцию со странами-ревизионистами, что ослабило бы позиции Великобритании в Средиземном море. Страх перед подобным исходом конференции, в конечном счете, оказался сильнее, чем опасения по поводу судьбы англо-германского морского соглашения, что и привело к согласию Форин-офис на подписание окончательного варианта новой конвенции о проливах.

Что же касается германо-турецких отношений, то отказ Германии подписать конвенцию Монтре о проливах не привел к их ухудшению. Более того, уже 31 июля в газете «Таймс» было опубликовано заявление о передаче контрактов на строительство оборонительных сооружений в зонах проливов германским заводам Круппа [33]. Германия продолжила наращивать свое экономическое присутствие в Турции: если в 1936 г. импорт немецких товаров в Турцию составлял 45,1% от общей суммы экспорта, а экспорт

товаров в Германию – 51% от общей суммы экспорта, то к 1939 г. аналогичные показатели составят 52,6% и 37,3% [34, с. 91]. Французский военный атташе в Стамбуле писал в Париж в августе 1936 г., что «в настоящее время Германия имеет в Турции влияние, которое распространяется на все области: военную, благодаря посылке преподавателей высших учебных заведений; культурную, благодаря проникновению в массы через университеты, где преподают ценные кадры из числа евреев, бежавших от нацистского режима; наконец, экономическую и промышленную, благодаря огромному числу своих торговцев и коммерсантов, захвативших 65% всей внешней торговли страны» [35, с. 284]. Вместе с тем Германия вплоть до 1938 г. пыталась добиться от Турции особых прав в зоне проливов, но, получив отказ, в конечном счете предпочла отказаться от своих требований ради сохранения хороших отношений с Анкарой и в дальнейшем действовала методами экономического и культурного проникновения.

Список использованных источников и литературы

1. Авершин, В. И. Борьба СССР за мир и коллективную безопасность против фашистской агрессии в Центральной и Юго-Восточной Европе (май 1935 г. – июль 1936 г.) / В. И. Авершин // Балканы и Ближний Восток в новейшее время / Уральский государственный университет. – Свердловск, 1975. – Сб. 4. – С. 41-62.
2. Горохов, В. Н. История международных отношений 1918-1939 : Курс лекций : Учебное пособие для студентов вузов / В. Н. Горохов. – М. : Издательство Московского университета (МГУ), 2004. – 288 с.
3. Альтман, В. В. Из истории борьбы СССР за мир (Конференция в Монтре) / В. В. Альтман // Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика А. М. Панкратовой : сб. ст. / Акад. наук СССР ; сост.: В. В. Альтман. – М., 1958. – С. 498-523.

4. Нажесткин, А. О. Международно-правовой режим Черноморских проливов в новейшее время / А. О. Нажесткин // Вопросы истории стран Азии и Африки : сб. ст. / Ин-т стран Азии и Африки при МГУ ; редкол.: Д. Б. Деопик [и др.]. – М., 1980. – Вып. 2. – С. 4-20.
5. Сиполс, В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936-1939 гг. / В. Я. Сиполс. – М. : Наука, 1987. – 335 с.
6. Хормач, И. А. От Лозанны до Монтре (Советский Союз и проблема Черноморских проливов в 1924-1936 гг.) / И. А. Хормач // Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / А.В. Игнатъев, Л. Н. Нежинский [и др.] ; под общ. ред. Л. Н. Нежинской, А. В. Игнатъева. – М., 1999. – Гл. 9. – С. 391-436.
7. Deluca, A. R. Great Power Rivalry at the Turkish Straits: the Montreux Conference and the Convention of 1936 / A. R. Deluca. – Boulder: East European Quarterly, 1981. – VIII, 216 p.
8. Постников, А. С. Конференция в Монтре 1936 г. и позиция Франции / А. С. Постников // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время : сб. ст. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького ; редкол.: И. Н. Чемпалов [и др.]. – Свердловск, 1983. – С. 19-32.
9. Живкова, Л. Англо-турецкие отношения 1933-1939 гг. / Л. Живкова. – М. : Прогресс, 1975. – 199 с.
10. Neilson, K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939 / K. Neilson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – X, 379 p.
11. Правда. – 1936. – 14 апреля.
12. Völkischer Beobachter. – 1936. – April, 12/13.
13. Völkischer Beobachter. – 1936. – April, 23.

14. Внешняя торговля капиталистических стран. Статистический справочник 1929-1936 гг. / Всесоюзная академия внешней торговли (Совет Унион) ; сост.: С. Н. Бакулин. – Л. : Междунар. книга, 1937. – 511 с.
15. Известия. – 1936. – 28 апреля.
16. Известия. – 1936. – 16 мая.
17. Völkischer Beobachter. – 1936. – April, 19.
18. The Times. – 1936. – April, 18.
19. The Times. – 1936. – April, 24.
20. Documents on German Foreign Policy, 1918-1945. Ser. C: 1933-1937: in 6 vol. / Ed.: Her Majesty's Stationery Office. – London : h.n. stat. off., 1966 – Vol. V. – LXXXI, 1208 p.
21. Кузьмин, В. А. Политика великих держав на Ближнем Востоке (март – октябрь 1936 г.) / В. А. Кузьмин // Международные отношения на Ближнем Востоке и Северо-Востоке Африки в новейшее время : Межвуз. сб. / Владимир. гос. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского; редкол.: Д. А. Макеев [и др.]. – Владимир, 1985. – С. 11-27.
22. Смирнова, Н. Д. Средиземноморье и Балканы / Н. Д. Смирнова // Европа в международных отношениях 1917-1939 : сб. ст. / Акад. наук СССР; сост.: А. О. Чубарьян. – М., 1979. – С. 174-205.
23. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. 2nd Ser.: 1929-1938: in 21 vol. / Ed.: E. L. Woodward, R. Butler. – London : Stationery Office, 1977. – Vol. XVI. – LXI, 811 p.
24. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: А.А. Громыко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, Международные отношения, 1959-2000. – Т. 19 : 1 января – 31 декабря 1936 г. / Г. К. Деев [и др.]. – 1974. – 823 с.

25. The Times. — 1936. — July, 2.
26. Völkischer Beobachter. — 1936. — Juni, 26.
27. Völkischer Beobachter. — 1936. — Juni, 27.
28. Völkischer Beobachter. — 1936. — Juli, 10.
29. Hansard 1803-2005 [Electronic resource] — Mode of access: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1936/jul/15/dardanelles>. — Date of access: 01.03.2018
30. Правда. — 1936. — 15 июля.
31. Völkischer Beobachter. — 1936. — Juli, 15.
32. Völkischer Beobachter. — 1936. — Juli, 16.
33. The Times. — 1936. — July, 31.
34. Внешняя торговля капиталистических стран. Статистический справочник 1936-1939 гг. / Всесоюзная академия внешней торговли (Совет Унион) ; сост.: Д. Д. Мишустин. — М. : Междунар. книга, 1941. — 416 с.
35. Documents diplomatiques français, 1932-1939. 2e serie : 1936-1939 : en XIX t. / Éd.: P.I.E.-Peter Lang. — Paris : Ministère des affaires étrangères, 1966. — Т. III. — XLIX, 844 p.